

Эллина Наумова

СМЕРТИ ХВАТИТ ВСЕМ

(Сергей Перов и Наташа
Сомова)

Элина Наумова

**Смерти хватит всем. (Сергей
Перов и Наташа Сомова)**

«Издательские решения»

Наумова Э.

Смерти хватит всем. (Сергей Перов и Наташа Сомова) /
Э. Наумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960468-2

Конец 90-х. Каждый сам себе бизнесмен. Все вместе — советский народ.
И милиция еще не полиция. В школе уже дежурит ЧОП. Но там убивают.
«Железку» растаскивают начальники и бандиты. Там тем более убивают. В
расследовании «новых» убийств майору Перову может помочь только чудо.
Умное любящее чудо по имени Наташа Сомова.

ISBN 978-5-44-960468-2

© Наумова Э.
© Издательские решения

Содержание

Ключ и сапфир	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Смерти хватит всем (Сергей Перов и Наташа Сомова)

Элина Наумова

© Элина Наумова, 2018

ISBN 978-5-4496-0468-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключ и сапфир

События вымышлены, любые совпадения случайны.

1.

Майор милиции Сергей Перов, высокий стройный блондин с простым русским лицом был склонен к отвлеченному мудрствованию про себя и строгим логичным рассуждениям вслух. А каким ему еще быть при таком роде занятий и внешности? Этот спокойный по натуре тридцатилетний парень любил свою невесту, студентку Наташу Сомову, увлеченно и ответственно занимался сыском в отделе по расследованию убийств и предпочитал отдыхать от трудов праведных и, следовательно, неблагодарных в однокомнатной квартире на восьмом этаже длинной и скучной, как сновидение после обжорства, девятиэтажки. А, какие еще предпочтения могли в нем возникнуть при такой зарплате?

Последнюю книгу майор прочитал в университете. С тех пор его собственные жизненные впечатления были сильнее, чем художественное описание чужих. Просматривать газеты и внимать сводкам новостей он считал долгом службы. В музыке ему нравились Моцарт, «Битлз» и «Мумий Тролль», в кино и театре все, на что Наташе удавалось его затащить. Сам он потребности купить билет не испытывал, но, очутившись в зале, поддавался магии экрана и энергетике сцены. Поэзии и живописи для майора не существовало вовсе. Человеком он был честным и порядочным, но к благородству, подразумевающему еще и осознанную жертвенность, не стремился. Понимал, как трудно годами сохранять в себе детское хорошее, поэтому к приобретению все новых и новых добродетелей относился иронично.

С юности он не мог уразуметь, почему одни присваивают себе право отнимать деньги, здоровье, жизнь, а другие чуть ли не вменяют себе в обязанность без сопротивления это отдавать. Наташа говорила, что ее жених странствовал по пустыне насильственных смертей, мучаясь жаждой справедливости и возмездия. И частенько принимал за источники миражи. Сергей признавал содержание высказывания глубоким. А форму второкурснице охотно прощал. Ему было приятно, что она говорит о нем красиво.

Но на службе он бывал жесток, и ни мольбы, ни увещевания, ни слезы на него не действовали. В подобные минуты Перов ни от кого не принимал оправданий даже в обычных человеческих слабостях, и слыл мужиком беспощадным «от идейности», а не от природы. Все знали, майор судит не по словам, а по делам. За высокое умение он многое прощал даже несимпатичным ему людям. За нежелание учиться полагал полезным наказывать и талантливых обаяшек. Иногда Наташа принималась уверять его, будто в карателях из милиции агрессивности должно быть не меньше, чем в бандитах. Иначе зло не победить. «В нас не импортная агрессивность, а доморощенная ненависть к подонкам», – снисходительно отвечал Сергей. Его впечатлительная невеста почему-то вздрагивала и потом долго затевала разговоры лишь на нейтральные темы. Словом, майор Перов был таким, каким был, и ежедневно убеждался в том, что бывают люди гораздо хуже, чем он.

Тем ранним сентябрьским вечером понедельника Наташа с Сергеем отправились в молодежный клуб на дискотеку. Студенты и старшеклассники героически боролись с последствиями шока, в котором оказались из-за как всегда неожиданно начавшегося «учебного процесса». Но трепя поначалу было не меньше, чем телодвижений: завсегда и встретились после долгих каникул и развлекались поисками приятной новизны друг в друге. Собственно, майор уговаривал Наташу, Тату, как он ее именовал, предаться удовольствию медленных домашних танцев после яичницы с сухим вином. Соблазнял мороженым на десерт. Но девушку неудержимо тянуло в народ. И Перов уступил. Не мучить же ее рассказами о том, как тягостны ему порой посещения «скачек». Доверчивая Наташа самозабвенно резвилась, а он замечал

и продавцов дури со шмыгающими взглядами, и вконец округевших благодаря наличию ножей в карманах ребят. Его раздражали постоянно возникавшие крохотные скандалчики: «Отпусти мою руку, кретин... Отвали от девушки... Да не хочу я твоего пива... Ты чего лягаешься, совсем опух»... Перов напрягался, зная, что рано или поздно придется вмешиваться. И это ожидание не добавляло симпатии к оглушавшему звуками, нервировавшему световой рябью, то есть мало приспособленному для милицейской практики месту.

На сей раз вокруг царили мир, ленца и благодушие. У майора получилось расслабиться и потанцевать вволю. Разрумянившаяся Наташа отпустила своему «мишке косолапому» комплимент удивленным и веселым тоном. Довольный Перов проворчал, что не лыком шит. Почему-то, чем хуже девушка танцует, тем строже она к партнеру. Но благородный Сергей не позволял себе называть ее медведицей, хотя иногда хотелось. Наплясавшись до легкого гудения в икроножных мышцах, влюбленные обнялись покрепче и пошли гулять под еще зелеными, но уже по-осеннему горьковато и грустно пахнущими тополями. Тата вздохнула делилась институтскими впечатлениями. Сергей изредка вклинивал в ее насмешливый монолог одно и то же:

– Зачем тебе оставаться у матери? Подумаешь, отчим в командировке! Что значит, она боится ночевать одна? Взрослая женщина за надежной дверью. Ладно, признаюсь, я тоже боюсь ночевать без тебя, но на меня всем плевать.

– Сереженька, мы ведь не женаты, – смеялась лукавая Наташа.

И упрямо направляла Перова в нужную ей сторону. Во всех смыслах. Потому что, шагая к дому ее мамы, он еще и нудил:

– Я готов к браку, давно готов. Ты сама решила проверять чувства.

– После того, как в течение месяца твоя служба не оставляла тебе времени подать заявление. Но я хорошо поступила. Дольше тебе, придире вредному, не надоем, – заливалась счастливым хохотом Наташа.

– Ты мне никогда не надоешь, ты это знаешь, но отказываешься, – сурово перекладывал на девушку ответственность за мешающие ему обстоятельства майор.

Их перепалка звучала тихим воркованием, которое старые, не годные к любви циники называют напрасной банальностью. Под него молодые люди и добрались по сумеречному городу до необходимости расстаться. И как-то резко, сразу не волшебными подвижными огоньками и манящими маяками, а фарами и окнами стали фары и окна. На асфальте появились лужи и выбоины, ветер проявил склочный злобный нрав, прохожие сгустились до ощущения вялотекущей в никуда толпы. Улица показалась Сергею и Наташе сырой и неудобной.

Когда Перову доводилось провожать Тату «к ней», он не ограничивался поцелуем и топтанием возле подъезда, пока невеста не крикнет с балкона: «Я в порядке, до свидания», не махнет обеими тонкими руками, будто гоня его прочь. Бдительный майор неизменно поднимался к двери квартиры, напомнив легкомысленной девушке: «На наших вонючих лестницах какая только шваль не располагается для своих мерзостей». «Ни разу не видела ни швали, ни мерзостей», – рассмеялась Наташа, услышав это от него впервые. Но с тех пор они почему-то постоянно наткнулись на практикующие секс в причудливых позах пары, всю гудящих собутыльников, отключившихся пьяниц, бомжей, онанистов, торопливо засовывающих использованные шприцы за батарею наркоманов. Создавалось впечатление, что по мере открытия в громадном городе баров, кафе, бистро, ресторанов, дискотек и клубов, у обнищавших, но все еще живых и подверженных общечеловеческим страстям граждан возрастала популярность лестничных клеток. И никакие кодовые замки препятствием не служили. Поначалу Наташа храбрилась и вышучивала охранные инстинкты майора – расширявшие сферы применения парадных бедолаги с жильцами были едва ли не милы. Но после того как ее смертельно напугал странный тип, чертом выскочивший из заплыванной кабины лифта с гостеприимно распахнутой шириной, перестала отказываться от сопровождения Перова. Она еще не дострадалась

в одиночестве до риторического: «Кто на меня польстится», и не свихнулась до конкретного: «Меня хочет каждый встречный мужик». Таких, нормальных, чаще всего и насилуют, поэтому рисковать смысла не имело.

Вот и на сей раз ступени лестницы между третьим и четвертым этажами перегораживал собой бледный, возможно, бездыханный подросток. Мальчика недавно рвало, его неоформившееся до появления «особых примет» лицо покрывала обильная испарина, и худые руки будто сжимали ощутимые сквознячные струи. Стоило Перову склониться над парнишкой, как рядом очутилась полная женщина в домашнем халате и обеспокоенно спросила:

– Вы врач? Со скорой?

– А вы его вызывали? Давно? Кто этот мальчик? Сколько он здесь валяется? – резко принялся за нее привыкший задавать вопросы, а не отвечать на них майор.

– Нетрудно догадаться, что ребенок из интеллигентной в меру обеспеченной семьи. Быдло не теряет сознание, вернее, и в бессознательном состоянии матерится и машет кулаками. А этот ни на что не реагирует, явно подпоили. Поднять его у меня нет сил. Я трижды звонила в скорую, но они не спешат. Дитя смогло прошептать фамилию, я пытаюсь разыскать по телефонной книге его близких, – сопровождала отчет вздохами и всхлипываниями женщина. – Он не умер?

– Нет, – сказал Перов. – Но без медицинской помощи не оклемается.

Казалось, спасительница готова была заголосить. Но не успела: к ним поднялись две молодые дамы – врач и фельдшер, кляня пробки и диспетчеров.

– Что случилось? Быстро и без лишних слов! – рявкнула врач.

Женщина послушно затараторила. Она одиноко чаевничала, когда с лестничной площадки донесся несносный булькающий шум, тяжелый шлепок, будто полный мешок уронили, и возбужденный говор ломающихся мальчишеских голосов. Проявив редкостную по нынешним временам смелость, она распахнула дверь. «Бедный ребенок» лежал без движения, трое его «неверных, подлых товарищей» скакали вниз, не оглядываясь. «Стойте, дети! – завопила неравнодушная гражданка. – Отчего ему стало плохо? Его имя, адрес?»

– Но в современных подъездах даже эхо от топота предателей не возникает, – поэтично закончила она.

Под грустную историю врач энергично осматривала безмолвного неудачника.

– Алкогольная интоксикация. Немедленно под капельницу, – велела она, неизвестно кому. Затем пылливо оглядела присутствующих и поинтересовалась: – Как дотащим пацана до транспортного средства? Санитар в административном, а у водителя радикулит.

– Это же ужасно! – воскликнула Наташа.

Майор Перов успокаивающе сжал плечи своей девушки.

– К черту нашу школу! К черту нашу медицину! – громко поддержала ее сердобольная женщина.

Всего насмотревшийся и наслушавшийся майор мельком подумал: «Наташке не надо изнурять себя диетами, чтобы возбудить мужчину трогательными ключицами. Они от природы или есть, или нет. И качаться не надо». Перов не одобрял тренажерных мышц. На его старомодный вкус женщина с годами должна полнеть, не жирея, округляться щеками и бедрами. Старух с девичьими фигурками он побаивался. Эти мысли не помешали ему взвалить парнишку на плечо и начать быстро спускаться.

– Повезло нам с мужчиной, – сказала за его спиной то ли докторша фельдшернице, то ли наоборот.

– Что из удравших подонков вырастет? – крикнула им вслед исполнившая свой человеческий долг женщина.

– Подонки в квадрате, в кубе! – откликнулась врач.

– Они просто струсившие дети, – заступилась Наташа, шедшая последней. – Сто раз все переосмыслят. И когда-нибудь будут сегодняшним проступком мучиться. Вон в Америке дяде полтинник стукнуло, и он перечислил в полицию деньги за разбитое сорок лет назад стекло. С учетом инфляции, между прочим.

– Пока наши переосмыслят, многих на тот свет без наркоза спровадят, – непримиримо откликнулась лекарка.

Майор Перов вдруг расслышал истеричные нотки в голосах и почувствовал, что девочки грызутся из-за него. Надо было что-то рассудительное сказать. Кроссовки мальчика долбили его колени, легкой ноша не была. . .

– Обещал ведь себе бросить курить, – уведомил присутствующих Сергей. – Чуть нагрузка повыше, одышка появляется.

Три не худших представительницы слабого пола рассмеялись. Для того, чтобы оказаться на уровне, молодому мужчине иногда достаточно пожаловаться на здоровье.

Скорая уехала. Перов довел Наташу до квартиры. Потом на метро добрался до собственной тахты и лег спать. В час ночи его подняла на ноги телефонная трель.

– Майор, двигай в школу. Четыре колеса под нашим металлоломом на пути к тебе. Убийство. . .

Перов вспомнил отравившегося водкой и брошенного приятелями мальчишку. «Предвестие. . . Предвестие», – бормотал майор, споро натягивая брюки.

2.

Последний урок второй смены закончился в девятнадцать двадцать пять. Пятеро преподавателей – двое мужчин и три женщины – собрались в учительской, достали сигареты, банку растворимого кофе, включили электрочайник. Все это с некоторых пор было запрещено, следовательно, из рутины превратилось в авантюру и обрело новую прелесть.

– Очередной день из жизни вон, – устало произнесла самая молодая из них, беременная «историчка» Арина Андреевна.

– Не кисни, Аринушка, даже если гормоны бродят, – живо откликнулась смазливая «биологичка» Татьяна Петровна. – Денек выдался не хуже прочих.

В их совместном присутствии нужды не было. При ином расписании преподаватели молниеносно разбежались. И лишние полчаса в школе проводил за тетрадями, а чаще за телефонным трепом один дежурный учитель, сдавал объект сторожу, вернее, сторожихе, и отбывал домой, костеря несуразные порядки. Но эти люди были близки взглядами и темпераментами, подчеркнута держались вместе, жестко пресекали попытки коллег интриговать против каждого из них, словом, дружили. Они занимали бесхозный класс делом, когда друг опаздывал, не обременяя директора жалобами и просьбами о руководящих указаниях. Втихаря подменяли любой любого. Рекомендовали друг друга знакомым в качестве репетиторов. Стоило «химичке» Нине Геннадиевне найти пристанище в частной фирме, готовящей нерадивых к сдаче ЕГЭ, как там же очутились и остальные четверо. Надо ли говорить, что нечаянное совпадение часов по понедельникам хитро устроил «математик» и завуч Алексей Николаевич. Это был единственный свободный от приработков вечер у всех. И друзья охотно не расходились. Они предавались откровениям о своих семьях, учениках, сослуживцах, начальстве, не опасаясь донощиков и сплетников.

Пять дипломированных педагогов в возрасте от двадцати семи до тридцати семи лет работали большую часть суток – школа, курсы, частные уроки. Они принципиально не халтурили в государственном учебном заведении с недоброй пародией на заработную плату и не опустились до ненависти к детям и родителям. Сбившись в кучку верных себе и друг другу, они преодолели унижительную бескормицу. Им люто завидовали те, кто так и не сумел бодро преодолеть. Да, главное, чем они были похожи – способность пахать, улыбаясь. И шутить:

«На кладбище отлежимся. Пока же надо шевелить мозгами, руками, ногами и всем прочим, а то отсохнет не востребовавшимся». И чем чаще за несогбенными спинами пятерки злословили, тем дружнее она становилась.

В ней порой возникали претензии, недоразумения, обиды. Но чувство взаимной благодарности удерживало от стычек. Так, роптали слегка. Например, Алексей Николаевич был выходцем из деревни и считал образование высшим благом. Городская прописка досталась ему, как приданое жены-официантки. И ее чаевые заставляли материально соответствовать. Он слыл самым приспособленным, хватким и скрытным в компании. И не стеснялся убеждения, что чем подлее отпрыск, тем больше репетитору надо драть с его папаши за вредность, а нервы себе трепать нечего. Кроме того, Алексей Николаевич был завучем, то есть лидером по должности, что слегка тяготило тех, кто ничем не заведовал.

«Физик» Юрий Александрович запросто отказывался от гонорара за репетиторство, если очередной митрофанушка открыто хамил, и не стеснялся довести до сведения его родителей, какую сволочь они растят. За означенную сволоту мигом любезно брался Алексей Николаевич, взвинтив цену вдвое, а то и втрое. Но, поскольку ситуации были не разыгранными по сценарию, а естественными, за порывистым, рискующим обнищать Юрием Александровичем требовался контроль. Друзья его осуществляли, а «физик» этим тяготился.

Арина Андреевна, примкнувшая к компании последней, считалась первой кандидаткой на вылет из нее. Не потому что собралась рожать. Умная и способная, она бредила ролью домашней хозяйки при муженьке, который отчаянно пытался разбогатеть, живя за ее счет. И презирала свою вынужденную трудовую активность.

Добродушная Татьяна Петровна к деньгам относилась не слишком трепетно, экономить не умела, поэтому была беднее и психологически уязвимее прочих. Действительно тяжело постоянно трудиться и постоянно нуждаться.

А Нина Геннадиевна, мать троих детей, самая веселая и деловая, обладала слабым здоровьем и, смеясь, эксплуатировала уже не физические, но силы своего неукротимого духа.

Итак, вышеописанные господа потягивали кофе и беседовали, когда без десяти восемь в учительскую заглянул мрачный парень из «секьюрити»:

– Люди, мы проверили все три этажа. Детки убрались. Только девочки из одиннадцатого «б» демонстративно подтягивали перед нами чулочки. Думали, мы разомлеем и не заметим, что мальчишки выволакивают двух то ли ужравшихся, то ли обкурившихся. Куртки им на головы натянули, уникумы. Завтра с утра вычислю и отправлю на наркоэкспертизу.

– Не утруждайте себя, – отмахнулась Нина Геннадиевна. – Это мои негодяи. Весь урок подозрительно тянули руки и орали формулы. Впопад орали. Значит, отвлекали от тех, кто молчал. С ними я сама без экспертизы разберусь.

– Идет, мороки меньше. Тогда запирайте за нами ворота, мы с напарником отчаливаем.

Алексей Николаевич и Юрий Александрович ушли с охранником, не разомлевшим при виде ляжек старшеклассниц. Вход закрывали на щеколду до прихода сторожихи.

– Наглецы! – припечатала Арина Андреевна. – Во-первых, что значит: «Отправлю»? Директору доложу, а он уж решит. Во-вторых, за сумму, в которую родителям обходится их содержание, могли бы задержаться на пятнадцать минут и без нашего участия встретить эту идиотку, ночную директрису.

– Не бушуй, Аринушка, тебе вредно, – вновь охладила ее пыл Татьяна Петровна, которую называли профессиональной миротворицей. – Ребята охраняют детей, а не материальные ценности. Кстати, директор распорядился пускать опоздавших после предъявления дневников. И вчера снова задержали каких-то посторонних хулиганов с кастетами.

– Господи, когда это кончится, – простонала Нина Геннадиевна. – В соседней школе мальчика через перила сбросили – долг не вернул. А девчушка, четырнадцать лет, залетела и повесилась.

– Ой, бабоньки, давайте сменим тему, – жалобно попросила Татьяна Петровна. – Лучше о наших говорить. У Свиридовой и Костерина из десятого «а» развивается бурный роман. А покинутая им Любимова начхала на биологию. Я эту страдалицу на олимпиаду заявила. Ума не приложу, что делать...

Ее прервал телефонный звонок. Обитавшая через дом от школы сторожиха сообщила, что выходит из квартиры навстречу труду.

– Скажу я мужчинам, что подниматься сюда на пять минут, смысла нет, – вскочила Нина Геннадиевна.

– А я, пардон, навещу туалет, – сказала Татьяна Петровна. – У меня Соловьева посреди урока, молча, направляется к двери. Я ей: «Куда, милая»? Она: «Писать хочу». Ну, в нашей школе, в выпускном классе так себя не ведут...

– Вызову я мать Соловьевой, вызову, – посулила Арина Андреевна. – Пока баба мужей меняет, девчонка свихивается.

– У меня классное руководство в кишках сидит...

Через четверть часа они собрались в учительской уже вшестером.

– Алексей Николаевич, сделайте со мной обход, вы ж мужчина. Или хоть не разбегайтесь по домам, посидите здесь, – канючила пухлая дебелая сторожиха лет пятидесяти.

– Бойцы с пороком все проверили, дверь была на запоре, не задерживайте педагогов, – отбрыкивался важный завуч.

– И мне положено проверять, но одной страшно, – не отставала трусиха.

– Зачем тогда подались именно в сторожа? – буркнул Алексей Николаевич.

– Тут близко от дома. Доченьку растить надо, – потупилась женщина.

Учителя тоже потупились. И Алексей Николаевич был прав. И сторожиха вызывала жалость. Им приходилось видеть милую дисциплинированную доченьку – изредка мать брала ее ночевать на работу. Как часто женщина, преодолев страх, замыкала на ключ вверенную недвижимую и бегала подтыкать одеяло под бок беспокойно спящего в одиночестве ребенка, никто выяснять не решался. Но догадывались, бегают.

– Ступайте, мы побудем тут с открытой дверью, – наспех соорудил компромисс Юрий Александрович.

– Спасибо, я галопом, – пообещала сторожиха.

И начала со второго этажа. Минуты через три чуть взвинченные ожиданием учителя на слух распознали то, что позже назвали: «Она приползла по стенке». То есть сначала что-то шуршало и скребло в коридоре, а потом в дверной проем всем телом сунулась сторожиха и четко прошептала:

– Я увольняюсь прямо сейчас. Мне домой надо.

– С сердцем резко поплохело? – саркастически осведомился Алексей Николаевич. И сердито повернулся к Юрию Александровичу: – Нельзя людей баловать. Согласился за всех побыть здесь, она нас шантажировать начала.

– О чем вы? – тупо спросила женщина. – Там ваш директор... около кабинета... Торчит из него что-то... И крови полно...

– Крови? – изумилась носящая первенца Арина Андреевна. И, не дожидаясь комментариев, закатила бледно-голубые глаза под ярко покрасневшие веки.

Далее последовали сумбурные препирательства. Женщины умоляли не бросать их в учительской и сразу вызвать милицию. Мужчины с сомнением косились на сторожиху и настаивали на проверке.

– Директор попрощался с нами в девятнадцать сорок, полчаса назад. Откуда ему взяться около кабинета и живому, и тем более мертвому? – вопрошал Алексей Николаевич.

Они с Юрием Александровичем понимали: если этой дерганой дуре померещилось, то менты поднимут их на смех. Два здоровых взрослых мужика не взглянули, что на самом деле валяется в коридоре в трех шагах от учительской.

– Пошли, Алешка, – вздохнул Юрий Александрович.

– Пошли, Юрка, деваться некуда, – вяло кивнул Алексей Николаевич.

И оба впились взглядами в сторожиху, словно, давали ей шанс одуматься. Но она еле слышно поскуливала, закрыв лицо руками.

Несколько метров до угла директорской приемной, поворот... Владимир Георгиевич Ямцов лежал, уткнувшись в паркет. Над левой лопаткой возвышалось нечто, светлый плащ впитал немало бурой жидкости.

– Черт, это похоже на штык от автомата из арсенала военрука Печенкина, – присвистнул Юрий Александрович. – Но Печенкин запирает оружие по всем правилам – сейф, сигнализация.

– Неприятности свершились. Наши высокоинтеллектуальные бабы устроят ор, – хрипло констатировал и предрек Алексей Николаевич.

Женщины, напротив, онемели. Возможно, были недостаточно интеллектуальны. Лишь когда минут через двадцать во входную дверь забарабанили, Арина Андреевна завопила:

– Это милиция ломится? Щеколда задвинута изнутри! Убийца не мог выйти! Значит, он в школе? В школе? О-о-о-о!

Под ее душераздирающий крик и вступили в холл первого этажа люди в форме и без.

– Она не ранена, – чуть ли не хором пояснили отпершие дверь «физик» и «математик». – Просто беременная.

Пришедшие синхронно пожали плечами

К моменту появления майора Перова все три этажа тщательно обыскали, но посторонних не обнаружили. По-военному быстро прибывший и никуда не спешивший военрук Печенкин показал свое хозяйство. Автомат и винтовки содержались образцово и в полном комплекте.

– Мой штык затуплен. А тот, которым закололи Владимира Георгиевича острый, – сказал отставной офицер. – Только ударили неумело – крови много.

– Где служили? – справился Перов.

– Я не служил, майор. Я воевал. Афган. Чечня. Нас на гражданке считают поголовно чокнувшимися, боятся брать. Тут наудачу предмет НВП, теперь ОБЖ в школах восстановили. Учительствую вот.

– Разбазариваем кадры.

– Ничего, майор, – медленно отозвался Печенкин, – я сам от жмуриков устал. Думал, никогда больше убитого не увижу.

Перов тормозил сонных экспертов. И те, чтобы отвязаться, предупредили: на чудо надеяться не стоит. Содержимое карманов убитого цело, отпечатков пальцев на оружии нет, стерты, сила удара была так себе, убийца правша, смерть наступила между семью и восемью часами вечера.

– Ему без двадцати восемь пять человек сказали «до свидания», – уточнил пунктуальный майор.

– Это уж твой человеческий фактор, тряси – хохотнули узкие специалисты, но без злора, сочувственно.

Перов отлично понимал, что этот самый фактор, скорее, его уморит, чем растрясется до чего-нибудь полезного расследованию. Но вздохнул и занялся обычным своим делом.

После довольно бестолковых разговоров со сторожихой, учителями и без проволочек организованной руководителем охранной фирмы беседы с двумя дежурившими в школе парнями в блокноте Перова появились скромные заметки.

«1. Татьяна Петровна отлучалась в туалет на втором этаже на пять-семь минут. Потом спустилась к мужчинам в холл, где застала Нину Геннадиевну, которая пришла сообщить им, что сторожика тащится из дома, и ей вот-вот придется открывать. Татьяна Петровна осталась с мужчинами, а Нина Геннадиевна отправилась в туалет. И на лестнице услышала голос сторожика. Поэтому решила, что в уборную не к спеху, и дождалась коллег между первым и вторым этажами. Все это время Арина Андреевна одна сидела в учительской. Получается, возможность заколоть директора была у любого.

2. Путаница с охранниками. Они не сдавали объект сторожике по, как сами определяют, капризу Ямцова. Злосчастная баба постоянно опаздывала, охранники возмущались. И директор вместо приведения в чувство ее, приказал им оставлять хозяйство после осмотра дежурному учителю. Вредным мужиком был этот Ямцов. Но суть не в его характере. До девятнадцати сорока пяти оба охранника пребывали внизу. Директор мимо них не проходил. Затем один парень остался у входа, а второй прошелся по коридорам. Божится, что возле кабинета трупа не было. Но проверять, заперты ли комнаты, в его обязанности не входит. Следовательно, готовый к отправке домой Ямцов мог в этот момент стоять за дверью своего кабинета.

3. Ключи от классов вешают на доску в учительской, и сами педагоги смотрят, что у них открыто, что закрыто. Только директор ключ от своего кабинета носит с собой. Значит, попрощавшись с коллективом, он мог спуститься в холл и вернуться обратно. Но почему его охранники не видели? Так заняты благополучным исходом детей, что не обращают внимания на выходящих взрослых?

4. На доске отсутствуют ключи от кабинетов литературы и географии. Учителя в отличие от пятерки верных друзей торопились по домам и машинально сунули их в карманы? Как часто это случается?»?

3.

Майору нечего было делать в школе – учителя, охранники и сторожика, все под рукой, говорили четко, толково. Он приехал домой с намерением хорошенько выспаться. Но отдыхал недолго. Порычал под контрастным душем, напился горячего чая с лимоном и вдруг передумал снова укладываться в постель. Бывают небольшие помещения, залитые кровью и забитые трупами. Входишь туда и чувствуешь только тошноту. Но здесь, на просторе трех этажей, где единственное мертвое человеческое тело казалось точкой, витал дух преступления и холодил кожу между лопатками. А, когда речь идет о коже милиционера из убойного отдела, это – серьезное ощущение. Перов просмотрел свои записи и неодобрительно отшвырнул блокнот. В таком мутном состоянии лучше не размышлять, а двигаться, загружаться информацией под завязку, не пытаясь делить ее на важную и ерундовую. «Встречу народ лично», – пробормотал Сергей, оделся и своим ходом добрался до опасного для жизни учебного заведения. Было пять часов утра.

Брошенный на растерзание хнычущей сторожике участковый возликовал, крепко стиснул руку майора и немедленно испарился. Очень скоро Сергей перестал осуждать его за нерадивость: секунда с этой женщиной должна была засчитываться небесной канцелярией за сутки искупления грехов. Причем, в режиме нон-стоп. Для нее хорошими были люди, которые «с пониманием относились к вынужденным опозданиям, разрешали уйти пораньше, сопровождали при обходе здания и давали займы на неопределенный срок без процентов». Ничего особенного, как говорится, мечтать не вредно. Но Перову еще не доводилось встречать существа, числящего всех остальных в супостатах и безостановочно их проклинающего. Вот директор здоровался с ней сквозь зубы, и правильно, что его убили. Она-то, ангел, жизнью замордованный, не гордый. Деваться некуда, всякое унижение и поношение стерпит. Но она единственная. А любой другой и насквозь проткнуть железякой может, осерчав. Обидчивые все, сволочи. Вон Алексей Николаевич свой пухлый зад лишний раз не поднимет. Хотя разве труд для моло-

дого здорового мужика пройтись с ней по громадному мрачному зданию? Что, не ее правда была, когда боялась? Сердце чувствовало – везде убийцы. Нет, подобных Алексею Николаевичу типов, физически устранять необходимо. Заслужили, гады, не помогали несчастной женщине. Но ведь могут сдуру и перепутать, и ее, безвинную, порешить. А у нее дочка...

Майор пробовал утихомирить ее, но проиграл вчистую. Поэтому, когда в дверь замолотил парень из «секьюрити», он чуть не бросился ему на шею, тепло вспоминая участкового. Охранник поняливо усмехнулся и избавил Сергея от дальнейших мук простой фразой:

– Беги, Петровна, к дочке. Обойдемся без формальностей, сегодня с тобой милиция сторожила.

Минут через десять явился второй охранник и дама средних лет с помятыми напудренными щеками.

– Я учитель географии Арефьева. Пришла пораньше, сегодня мой класс дежурит, – нервно сообщила она, когда майор представился, и заторопилась мимо.

Но прежде чем миновать сыщика ей пришлось растолковать ему, что такое «дежурный класс». Труд платных охранников был эффективен только при наличии более двадцати неоплачиваемых помощников, которые следили за порядком на переменах, проверяли наличие сменной обуви, собирали по классам сведения об отсутствующих и опоздавших, помогали в столовой.

– А, это и у нас было, – сказал Перов. – Я думал, за годы все изменилось, и дежурный класс чем-то другим занимается. Почему на доске нет ключа от кабинета географии?

– Да, всем кажется, что после их выпускного, в школе кардинально меняются порядки. А приходят на двадцатилетие окончания, и рыдают над каждой сохранившейся партией и традицией. У вас это еще впереди. С доской – проще простого. Я тех пятерых рвачей, которые покрывают безобразия друг друга, терпеть не могу. Поэтому в учительскую, где они по понедельникам окапываются, не зашла. Знала, что завтра, то есть сегодня, мне первой приходиться. А кому и что может понадобится ночью в кабинете географии?

Она вытащила из сумочки ключ и энергично потрясла им перед носом Сергея. Перов не поленился посетить с ней царство глобусов и карт. Там не было ни убитых, ни убийц.

Охранники с утра пораньше стали приветливее, чем ночью, когда майор поднимал их с кроватей. Они разоткровенничались про девочек, которым «школьный возраст класса с шестого не дашь». Охарактеризовали свою работенку, как непыльную, малоходную и скучную. Прелести выпускниц были слабой компенсацией. Сергей мог гордиться собственной прозорливостью – третьим пунктом записей – о том, что взрослых охранники в упор не видят. Для парней учителей и впрямь не существовало. Они пытались наладить с ними добрые отношения, но господа педагоги повели себя высокомерно. Оскорбили предупреждением: «В кабинеты не лезьте, там материальные ценности, за которые мы несем ответственность. И не вздумайте заигрывать с девочками и заглядывать им под юбки».

– За что же вас так приласкали? Поймали за руки, когда вы тащили на улицу школьные ободранные стулья? Подслушали, как склоняете юных красоток к сожителю? – засмеялся Сергей.

– Веришь, майор, зависть. Им чудится, что мы деньги лопатой гребем. Двое суток демонстративно что-то перемножали на калькуляторе. А потом только ленивый не прошипел: «Такую сумму мы за год потом и кровью зарабатываем». Мы объяснили, это все – агентству, нам только процент достается. И слушать не стали, интеллигенты. Поэтому мы с ними, как они с нами. Реагируем только на незнакомых. А перемещения своих – не наша головная боль.

Постепенно школа ожила. Сергей Перов вслушивался и вглядывался в стайки детей. Общий гомон казался радостным и беззаботным, хотя и лиц печальных было достаточно, и слова прорывались из фона всякие. Он все сильнее ощущал волнение, будто предстояло отвечать невыученный урок или передирать контрольную с чужой шпоры. Майор не без удоволь-

ствия напомнил себе, кто он, и поднялся в комнату завучей. Одинаковыми с Алексеем Николаевичем полномочиями к изумлению Перова были наделены еще четыре немолодых дамы. «Куда вас столько?» – думал Сергей, выдерживая две громких и две тихих одномоментных истерики по поводу гибели Владимира Георгиевича Ямцова. Тем не менее, женщины пообещали любое содействие, если милиция не взбудоражит учеников. Прозвенел звонок. И через минуту стало тихо-тихо. Неприятное ощущение – то ли звук выключили, то ли ты оглох. Перов торопливо вышел и отправился бродить по коридорам. На первом этаже из спортзала доносился стук баскетбольного мяча по деревянному полу, из актового – какое-то мычание под рояль, из столовой – звяканье посуды. Тишина оказалась не мертвой, настроение майора слегка улучшилось.

На втором этаже неплотно прикрытая дверь выдала Сергею секрет некой оскорбленной в лучших чувствах «англичанки».

– Итак, Львов, твоя мать жаловалась на меня в министерство? Остроумно! Оно давно никакого отношения к школам не имеет. Передай ей... Все передайте своим родителям, что преподавание иностранного языка, без которого сейчас карьеру не сделаешь, – мое хобби. Вы интеллектуально убоги, поэтому поясню: хобби – бесплатное занятие для души. Если меня уволят, я буду счастлива. Понимаете? Мне стыдно бросать вас на произвол судьбы и искать нормальную работу. А в случае увольнения придется. Но прежде, Львов, я перестану натягивать тройки тебе и остальным. Благодарите в конце года Федора Львова и его маму...

Такого накала откровенности Перов не ожидал. Он непроизвольно отшатнулся. Ретировался на третий этаж и увидел нечто занимательное. В рекреации на паркете валялись цветные рюкзаки и полиэтиленовые пакеты. От этого причудливого холма в разные стороны кучками разбрелись девочки и мальчики. А растерянная темноволосая женщина вопрошала их затылки:

– Она не предупреждала? Не заболела? С ней никто по телефону не общался?

Майор не был расположен вмешиваться. Но прочитал на двери, которая не пускала целый класс к знаниям: «Кабинет литературы». Второй непроверенный вчера милиционерами по причине отсутствия ключа. Он отозвал женщину в сторону, представился, выслушал ее и забеспокоился по-настоящему. Перед ним были неприкаянный одиннадцатый «в», вообще-то занимавшийся по вечерам, и готовая заплакать «литераторша». Ребята купили билеты в консерваторию на единственное выступление мировой знаменитости. Растроганная пристрастием к классике учительница не возражала против переноса их урока на утро. Ничего особенного в этом не было. Ученики заспорили, с какими пересадками быстрее добираться на метро. И тут ей позвонили по мобильному. Муж сказал, что задыхается. Он недавно перенес инфаркт. Она возблагодарила Небо за отмененный урок и крикнула отличнице и умнице Вороновой:

– Оля, я убегаю, срочно. Закрой кабинет, ключ возьми с собой, мне сейчас не до объяснений в учительской. Завтра не опаздывай!

Но уравновешенная и ответственная Воронова, как в воду канула.

Из учительской позвонили на работу отцу Оли. Тот подтвердил худшие опасения майора: его живая и здоровая дочь в восемь тридцать отправилась в школу. Пока Сергей терзал вопросами одноклассников Вороновой, парни из его отдела разыскивали девочку. В результате Перов помчался в травматологическое отделение ближайшей больницы.

Бледная хорошенькая Оля с забинтованной головой силилась облегчить труд майора, но мало что успела сообразить. Она шла, как обычно, дворами. Ей предстояло обогнуть ого-роженный школьный сад, то есть какой уж теперь сад, просто территория... Ее ударили сзади, выхватили сумку с учебниками, она принципиально рюкзак не носит... Все... Очнулась она в палате. Ей очень больно. Уже полчаса ревет, переживает из-за доверенного ей ключа...

– Оля, куда ты его положила? – допытывался Перов.

– В сумку. Когда наши вышли, закрыла дверь и сунула его в кармашек на молнии.

- Кто-нибудь присутствовал при этом?
- Да почти все, они меня ждали.
- А дома ты ключ не вынимала? Сумку не меняла?
- Нет, честное слово.

Сергей не стал ее утомлять. Пожелал выздоровления, пообещал навестить родителей. И отправился в ординаторскую.

Щедрые доктора тоже не обогатили его сведениями. Найденную в буквальном смысле слова под забором Воронову скорая доставила полчаса назад. Девочке предстояло малоприятное обследование и лечение. Ей повезло, что школа и больница находятся рядом.

Сослуживцы майора уже приготовились к выезду на место происшествия. Был шанс, что удастся разыскать свидетелей нападения на школьницу. Был даже шанс, что оно как-то связано с убийством директора школы.

4.

– Ты опять расследуешь какую-то пакость и пребываешь не в духе, – грустно констатировала Наташа Сомова, окинув жениха внимательным взглядом.

Перов действительно мало походил на рекламный образчик бодрости и оптимизма. Он проторчал в школе до прибытия сторожихи и новостями не разжился. Хуже того. Учителя на его глазах менялись, будто натягивали гидрокостюмы. Вот-вот влезут в ласты, опустят на лица маски для подводного плавания, зажмут в зубах дыхательные трубки и нырнут. Они все чаще говорили с майором «высоким штилем», окартинивались, приобретая гордую осанку и манеры, напоминающие светские. Когда одна из завучей на просьбу рассказать о взаимоотношениях учителей холодно бросила: «В нашем сплоченном педагогическом коллективе, товарищ милиционер, превыше всего ценятся нормы морали, нравственности и профессиональной этики», Сергей понял, что толку не добьется.

С детишками тоже сладу не было. Эти безалаберные создания вокруг себя ничего не замечали. Они не могли сказать, что делал во время урока сосед по парте. Оля Воронова уверяла, что прятала ключ при пятнадцати одноклассниках. Но лишь две девочки подтвердили:

– Вроде что-то в сумку клала.

Да и что взять со школьников, занятых только собственной реакцией на сверстников, которым они до лампочки. И ограбления Вороновой среди бела дня люди не соизволили заметить. Наткнулся на нее старик, выгуливавший болонку. Она еще без сознания была. А сколько человек мимо девочки прошмыгнули? Впору благодарить рок за то, что не изнасиловали, не добились.

Невзирая на махровую хандру Сергея, Наташа хорошего настроения не потеряла. Поругала мерзавцев, повозмущалась и вдруг серьезно упрекнула Перова:

– Сереженька, ты сам виноват. Сплетни надо собирать около, а не внутри. Тебе, насколько я понимаю, что угодно может пригодиться, кроме молчания.

– Ты меня критикуешь, дилетантка? – вспыхнул майор.

– Ваш лейтенант Слава Авдеев окончил эту школу лет восемь назад, – улыбнулась Наташа. – Может, с ним тебе будет легче.

И Сергей вспомнил, что сегодня она единственная, кто ему улыбнулся. Тата не только советы давать была горазда. Она вызвалась съездить вместе с майором к Авдееву, соблазнительно напевая:

– И получится чудная прогулка перед сном.

Усидеть в кресле измотанный Перов не сумел. Сосредоточиться пока было не на чем, зато отвлечь от самого тяжелого труда – бесплодных размышлений – болтовня Наташки могла. Он позвонил Авдееву, пригрозил своим явлением с девушкой.

Через полтора часа, разглядев гостей в глазок, Слава Авдеев начал что-то крушить у себя в прихожей.

– Самогонный аппарат рубит, – заинтригованно предположил Сергей.

– Не-а, любовницу в шкаф загоняет, – заспорила Наташа.

Лейтенант так и не объяснил громовой заминки. Покраснел и пробормотал:

– Товарищ майор, вы по телефону не прикалывались?

– Я прикалывался? – возмутился Перов.

– Извините, – понурился Слава.

Сергей решил, что своей несдержанностью все испортил. Сморозил парень глупость, это не повод на него рычать. Тут-то ему и пригодилась Наташа. Исподволь, ласково, на вкус Перова слишком, девушка вытрясла из Авдеева то, чем мужчина с мужчиной не делится. Разошедшийся Слава даже обзвонил своих бывших соучениц, уточняя кое-какие детали. Майор вжался в диван и пытался соединить его воспоминания и свои впечатления в нечто целое. Бесполезно. К обилию данных нужно было сначала привыкнуть, а уж потом приспособливаться.

В сущности, Слава Авдеев поведал о трагедии элитной школы. О том, как нарожали детей новые хозяева жизни, пристроили в учебное заведение, созданное для отпрысков старых, и что из этого получилось. Прежние сильные мира сего неохотно, правда, но делились связями: лечили учителей у своих врачей, причесывали у своих парикмахеров, доставали им дефицит – от кофе до шмоток. Властные мира сего приказывали каким-нибудь предприятиям отремонтировать классы, купить столы, оформить интерьер. Нынешние же и сильные, и властные существовали гораздо шикарнее прежних, но помочь школе за счет фирм или государства не могли, а за личный не желали. Давно миновал краткий период, когда честь образовывать чадо именно здесь стоила долларовой взятки директору или облицовки школьного вестибюля мраморной плиткой или пары компьютеров. Контингент учащихся по-прежнему был отборным. Проку от его высокой сортности не было.

Впавшие в нужду учителя перегрызлись между собой. Их немного и изредка спланивала зависть к сытым, холеным питомцам. За работу держались лишь те, кто либо учил в школе собственных детей и внуков, либо не собирался опускаться до преподавания отбросам общества из трущоб. А родители стали ужасающе требовательными и почтения к сеятелям «разумного, доброго, вечного» не испытывали. Их наследников лучше было не обижать. Педагоги утверждали, что временами находятся на грани голодных обмороков и всегда за гранью нервного срыва.

– У кого угодно мозги закипели, и директор пал жертвой, – подытожил Слава Авдеев. – Детки без тормозов, родители мстительные, учителя психованные.

– «Кто угодно» – это никто! – разозлился майор.

– Славик, не забудь про любовь, – быстро вмешалась Наташа, которая в отличие от Сергея улавливала смысл авдеевских консультаций с одноклассниками с полунамека.

И лейтенант рассказал историю, в которой участвовали люди, обнаружившие труп.

Юрия Александровича рекомендовал сокурсник, Алексей Николаевич. Директор взял непьющего, некурящего, холостого физика. И мужчин преподавателей в школе стало трое. Мрачноватый и немногословный Юрий Александрович держал в ежовых рукавицах всякого, кто значился в классном журнале. Нина Геннадиевна казалась полной ему противоположностью. На ее уроках было весело, но без разнузданности. А на праздничных посиделках и сослуживцы хохотали над анекдотами, которые она мастерски травила. И рыдали, когда она пела. Ей бы на сцену, однако, Нина Геннадиевна отшучивалась:

– Я люблю учить, вот незадача.

Но это было частью правды. Некоторым одаренным не до искусства. Она рано вышла замуж и трижды стала матерью. Фанатично преодолевала «комплекс неровни» – до нее, красавицы и заводилы из простых, снизошел родовитый, избалованный парень. Главная горесть –

неспособность ублюдков оценить его по достоинству – выявилась, когда после института пришлось работать. Раздражение неудачник вымещал на жене: выискивал по углам пыль, кочевряжился за обеденным столом, заставлял по три раза перестирывать свои рубашки. Ей необходимо было, чтобы уважали хотя бы вне дома. Нина Геннадиевна принадлежала к типу нормальных. Они выбирают преподавание или врачевание и много, упорно, красиво трудятся, чтобы «человеком считали», величали по имени-отчеству, заслуженно хвалили и благодарили. Для них самих деньги не слишком важны. Но ради содержания семьи приходится надрываться. Здоровые от рождения заболевают всем сразу в старости. Не слишком крепкие – в среднем возрасте. Нина Геннадиевна была из последних.

Ее и Юрия Александровича явное взаимное тяготение еще не осознавалось никем, как влюбленность. Просто симпатичные противоположности дополняют друг друга. И тут загнанная трудом Нина Геннадиевна попала на хирургический стол. От наркоза в палате оправилась привлекательная тридцатипятилетняя женщина без матки. И сразу встретилась глазами с осунувшимся, неизвестно как проникшим в реанимацию Юрием Александровичем. Ему она сказала, что ей удалили. Мужу – нет.

Их любовь была прекрасной и безнадежной. Три года Нина Геннадиевна умоляла Юрия Александровича отказаться от самой себя. Но однажды ее поразила мысль об уходящих в небытие днях. Они стали любовниками. Когда коллеги принялись трепаться «про интим» и анонимно названивать ее мужу, а Юрий Александрович сделал ей предложение, Алексей Николаевич принял меры.

– Нина, не гробь Юрку. Мужик обязан оставить собственное потомство. И своих детей пощади. У них есть родной отец, они ему дороги, – выговорил он решившейся обрести счастье Нине Геннадиевне.

Она отказала Юрию Александровичу. Более того, продолжение знакомства поставила в зависимость от того, создаст ли он семью и даст ли ей побаюкать своего малыша. Алексей Николаевич не растерялся и сосватал другу одинокую и не юную родственницу жены. Обезумевший Юрий Александрович согласился. Он почему-то думал, что подержав на коленях его ребенка, Нина Геннадиевна утешится, разведется и выйдет за него. Однако ситуация угрожающе ухудшалась. Жена Юрия Александровича родила мальчика. Любовники свихивались, второй год не прикасаясь друг к другу. А по школе расплзалась клевета, будто они продолжают блудить, обрекая на распад уже два удачных брака.

Наконец, подключился директор. Подобно Алексею Николаевичу он выбрал для раздумления Нину Геннадиевну и потребовал написать заявление по собственному. Юрий Александрович посулил начальнику страшные неприятности, если тот не попросит прощения у оскорбленной женщины. Тот этикету не последовал, но и не уволил опальную учительницу. В роли миротворца выступил Алексей Николаевич: он банально покупал коллектив за конфеты, коньяк, удобное расписание, чтоб окон поменьше. Злопыхательство во всеуслышание прекратилось. Нина Геннадиевна и Юрий Александрович наслаждались передышкой, если в их случае можно говорить о наслаждении.

– Вырисовывается мотив, – шевельнулся в кресле майор Перов.

– Да, – согласился лейтенант Авдеев. – Еще надо?

– В каком смысле надо?

– В прямом. У нас интересная школа.

Год назад пара любознательных семиклассников разбирала во дворе газовый баллончик. Он, разумеется, взорвался. Один испытатель отделался рубцами на шее. А у другого скрючило правую кисть. Его папа заявил, что если хирурги не восстановят физическую полноценность, директор, которому он ежедневно на пять-шесть часов доверял сына, тоже до смерти будет пользоваться только левой рукой. Господин был из тех, кто, кляня, побуждает себя к действиям, а не выпускает пар.

Или на классной вечеринке девчонки из девятого «А» спрятались в раздевалке и наглотались «Наполеона». Три красавицы ползали молча, а четвертая дебоширила – унять не могли. Вызвали родителей, отправили по домам, потом отчислили. Выходя из директорского кабинета, мама буянки отчетливо процедила:

– Она не пропадет. Но ты, старый хрен, отныне лично мне должен. И много.

– Хватит, – схватился за виски майор Перов. – У Владимира Георгиевича Ямцова врагов было, как собак нерезаных.

– И в итоге зарезан он, – закруглился Авдеев.

– Слава, ты выбери эпизоды поярче и выясни, кто из мстителей, где был во время убийства. А мы с Татой подадимся восвосяи.

«Майор чуткий, он всегда к делу пристроит», – думал лейтенант Авдеев, почесывая переносицу.

Там, куда поздние гости подались, Перов мужественно поцеловал Наташу в губы.

– Это уже автопилот, – определила она. – И все равно приятно, Сережа.

5.

Утром майор принялся реконструировать преступление. Результаты получались чудовищные. Перов злился, неумно курил, но не останавливался. Потому что метод исключения не самый продуктивный. Он самый навязчивый.

Наташка упорхнула в институт ни свет, ни заря, оставив на кухонном столе нахальную записку: «Если соберешься в школу, портфель не забудь». Сергей пожарил яичницу, налил сладкий чай с лимоном, который предпочитал всем другим напиткам, позавтракал, вымыл посуду и снова растянулся на кровати. Голова у него была хорошо тренирована в убийном отделе, так что времени на рассуждения требовалось не много.

Владимир Георгиевич Ямцов, тип не слишком симпатичный, но безобидный. Кто мог убить его без натуги? Охранник Веденеев, в одиночку проверявший помещение. Только он здорово удружил бы себе, затащив труп в кабинет, благо ключ лежал в плаще у директора. Дело парня – осмотреть коридор, а что творится за дверями, его не касается.

После того, как коллеги разбрелись из учительской, у Арины Андреевны было достаточно времени для нескольких убийств. Но вообразить беременную женщину со штыком майору не удалось.

Сторожиха тоже не тянула. Отсутствовала минуты три. Учительскую преподаватели распахнули, и не услышать звуки преступления не могли.

А вот Нина Геннадиевна сходу не отметалась. Оповестила всех, что идет в туалет, заколола человека, но не успела спуститься к поджидавшим сторожиху, застыла на лестнице. Женщина неглупая, сообразила, хоть в кабинете тело найдут, хоть возле, их компания вызовет одинаковое подозрение. И не стала надрывать. Не в ее пользу было и то, что, простившись, директор вернулся. Может, она посулила ему заявление по собственному втайне от Юрия Александровича? И он сделал вид, будто ушел, простившись с учителями. Майор Перов поморщился – втайне, сделал вид. Не школьники ведь. Мотив мотивом, но именно Нине Геннадиевне стоило расправиться с Владимиром Георгиевичем в кабинете, раз уж напросилась на прием. Да, охранник закончил обход, да, сторожиха только выходила из дома. Но смысла рисковать в коридоре не было.

Юрий Александрович был бы идеальным убийцей, если его покрывали Алексей Николаевич и Нина Геннадиевна. Недаром она так резво понеслась предупреждать мужчин, что сторожиха на подходе. Скрытный и хитрый Алексей Николаевич мог метить на должность директора. Убрав его руками извешегося друга, он многое выигрывал.

Охранникам – Веденееву и Алдошину – было легко убить Ямцова, действуй они заодно. Мало ли какие у них личные счета. Но зачем им труп на охраняемой территории? Подкараулили бы врага в подворотне.

Майор чувствовал, что гадает даже без кофейной гущи. Существовала еще версия Авдева о постороннем мстителе. Но он должен был нанять киллера, что называется, из местных. Чужой не улучил бы момент. Старшеклассник... Подскочил в коридоре к уходящему директору, заговорил зубы, тот вернулся. Дитя его пришло и вместе с товарищами выкатилось на свежий воздух. Тогда почему Веденеев не обнаружил тело? Потому что гаденыш стянул ключ из наружного кармашка сумки Оли Вороновой и отсиделся в кабинете литературы до и после преступления?

Перов представил себе старое здание школы. Длинный прямой коридор, по одну сторону классы, по другую глухая стена, увешанная стендами. Посередине этой стены проем, выводящий на единственную лестницу с просторными площадками, которые освещают громадные окна. Напротив проема – помещение, размером в полтора стандартных класса. На первом этаже в таком раздевалка, на третьем школьный музей. А на втором узкий коридор буквой Т. Вдоль длинной «палочки» двери учительской и завуческой. Далее поворот в маленький тамбур, где валялся труп Ямцова, и куда выходила дверь его кабинета, вернее, приемной секретаря.

Положим, Веденеев поднялся на третий этаж. Там только ряд запертых классов. Стоя в проеме, ему достаточно было посмотреть направо и налево, чтобы убедиться – пусто. На втором этаже он добросовестно прошелся по букве Т: в учительской люди, больше нигде никого. Он позвал учителей запереть входную дверь... Где был подросток во время обхода? В кабинете литературы на третьем этаже. Директор? В своем кабинете дожидался, к примеру, отца ученика. Настоятельной просьбой встретиться с ним мальчишка и возвратил его на рабочее место. Хитрец пробрался в коридор мимо учительской и завуческой и притаился за углом тамбура. Директор, напрасно потеряв минут двадцать, вышел в тамбур и стал запирает дверь. Мальчик вонзил ему в спину холодное оружие, вернулся в кабинет литературы и заперся изнутри. А утром выбрался из класса и оставался на третьем этаже, пока школа не наполнилась ребятами.

«Нет, он не знал, что у учительницы заболел муж, и она отдаст ключ Оле Вороновой», – орал охрипший внутренний голос Перова. Но орал, откровенно говоря, от ужаса. Потому что мальчику ничего не стоило выкрасть ключ из учительской. Географичка торопилась и забрала свой, так, почему бы и литераторше не согрешить? А, когда негодяй увидел, как Воронова, заперев класс, сунула ключ во внешний карман сумки, он легко его вынул. Зачем? Чтобы в учительской не светиться. Но импровизация была ошибкой. Заказчик, которому он после убийства обо всем подробно доложил по сотовому из пустого класса, это понял. И утром напал на девочку. Даже, если пропажу ключа она обнаружила накануне вечером, после удара по голове и шока доверять ей полностью никто не решился бы.

Майор Перов чувствовал себя отвратительным скотом и извращенцем. Как он завидовал людям, у которых не хватило бы фантазии на подобные измышления. Потому что эту фантазию не питают статистика подростковой преступности и протоколы осмотра мест убийств, совершенных детьми. То, что он выдумал, было цветочками по сравнению с каждодневной реальностью. И было очень похоже на правду.

– Я тебя достану, малолетний подонок, – вслух посулил Перов, одеваясь для выхода из дома. – И того, кто заказал тебе Ямцова тоже.

В школе его поразили веселье и толчея. Охранники Веденеев и Алдошин загибались от хохота. На второй этаж в сопровождении повизгивающих от ликования малышей торжественно шествовали два абсолютно лысых мальчишки постарше. Перов обогнал процессию и столкнулся на площадке с Алексеем Николаевичем, грозно преградившим толпе дорогу к знаниям.

– Не слишком оригинально в наше время так оболваниться, – поделился первым впечатлением майор.

– Они не оригинальничают, а нарываються на международный скандал, – кисло ответил завуч.

Он обратился к «людям, которых считал состоявшимися», чтобы изгнать их на неделю вон. И велел для паспортного контроля в аэропорту запасть справками о перенесенном тифе, а не надеяться на то, что педагоги подтвердят их сомнительные личности.

Бунтари неторопливо развернулись и царственно удалились. Зрителей Алексей Николаевич разогнал пристальным тяжелым взглядом. Потом объяснил майору:

– Гении. Математик и химик. Обоим по двенадцать лет, оба в выпускном классе – сплошной экстернат...

За заслуги перед наукой ребята были званы в Америку на какой-то конгресс вундеркиндов. В конце прошлого учебного года сфотографировались на заграничного паспорта. И на характеристики, которые школа оформляла все лето. И вот в сентябре оба явились с волосами до пояса, не узнать. Может, они от переизбытка ума так быстро обрастают? Куратор из министерства заклинал придать им прежний божеский вид, родители только что по потолку не бегали от отчаяния. Но мальчишки наотрез отказались расставаться с лохмами. В день своей смерти Владимир Георгиевич послал их с уроков в парикмахерскую стричься. Кричал, что американцы придают большое значение цивильному облику. Вчера строптивцы не явились в школу. А сегодня устроили представление.

Алексей Николаевич горестно вздохнул, хлопнул себя по затылку и убежал. Гомон перемены сменился тишиной урока. Перов без помех шатался по лестницам и коридорам. Потом навестил завуческую и попросил связать его со школьным бухгалтером. Ничего криминального слова «наличка» он не услышал. Да, с родителей собирали деньги и расплачивались с преподавателями, которые не числились в штате, с охранниками. Но были протоколы собраний, приходно-кассовые ордера, квитанции.

– Давайте займемся бумагами, – уныло предложил майор пожилой женщине со страдальческим полным лицом. – Мне надо иметь представление, какова была коммерческая хватка вашего директора.

– Какая бы ни была, а уже сплыла, – всхлинула она.

6.

Слава Авдеев носился по домам и офисам до изнеможения. За два года, в течение которых по разумению лейтенанта прилично было мстить обидчику, он выделил три ЧП. Увечье взорвавшего газовый баллончик мальчика, отчисление любительниц коньяка, о которых говорил Перову и Наташе. И четверка за устный выпускной экзамен по литературе, о которой узнал после их ухода.

Это было в год, когда школьников только пугали ЕГЭ. Отличник с первого класса предвкушал честно отработанную золотую медаль. Результаты письменных экзаменов не разочаровали. Устные он сдавал себе на пятерки любимым и любящим учителям. И вдруг на последнем испытании Владимир Георгиевич, возглавлявший комиссию, придрался к ответу и потребовал «хорошо» вместо «отлично». Учительница литературы всплакнула прямо за экзаменационным столом, но изменить ничего не смогла. Выпускной вечер бедняга проигнорировал, контактов с одноклассниками не поддерживал. Друзья не знали, как он забрал аттестат, поступил ли в институт. Мнение было однозначным: не блистал, брал усидчивостью, но на финише подножки не ставят. Раз уж десять лет «тянули», отдайте человеку его золото, пусть радуется.

С отцом, угрожавшим уравнивать в инвалидности директора и сына, загадок не возникло. Он дважды прооперировал кисть мальчика в лучшей российской клинике, прихватил все, что переводится в валюту, причем не только свое, и отбыл с семьей за границу на пожизненную реабилитацию. Поскольку он взыскал с родины, сохранение его кровожадного интереса к Ямцову представлялось маловероятным.

Грубая мама, объявившая Владимира Георгиевича своим должником, заправляла туристическим агентством. Слава Авдеев таких красивых женщин еще не видел. Ему недавно стукнуло двадцать три. И он не мог взять в толк, как мушкетеры осмелились отдать Миледи палачу. С ней стоило поговорить по душам. Ведь не сразу она стала преступницей. Наверняка поддавалась бы перевоспитанию, займись им порядочный мужчина. Сослуживцы над ним подтрунивали, но лейтенант упорствовал в благоговении перед редкими совершенными созданиями.

Со специалисткой по отдыху они сразу поладили. Она позволяла себе роскошь искренности с юнцами, у которых в ее присутствии на лицах появлялись безумные мечтательные улыбки.

– Да, господин лейтенант, моя Алина была пьяна и жалка. Но, главное, беззащитна. Я волокла ее к машине сквозь строй одноклассников, хронически балующихся спиртным и экстази. И активисток из родительского комитета с постными рожами. Стоило показать им наши с дочкой спины, как они развопились: «Какое безобразие!» Я оглянулась: к ним приближался директор. Ради него они и трепыхались. Разве в тот неловкий момент я сулила кому-нибудь кару? Нет, я молчала!

Дома мать задала Алине жестокую трепку. Потом проконсультировала дочь у нарколога и психотерапевта. Наняла репетиторов по всем предметам, чтобы она не отстала от программы. Наконец, истекли две недели условного исключения. Они приехали в школу, в тесный кабинет Ямцова. Тот едва кивнул на приветствие и сообщил, что решением педагогического совета Алина отчислена. Сунул в руки матери готовые документы. Девочка испугалась потерять подруг, разревелась и поклялась, что больше никогда не приложится к бутылке. Директор и глазом не моргнул.

– Я тоже струсил, – призналась собеседница Авдеева и чарующе улыбнулась. – Я не слишком богата, господин лейтенант. Коплю дочери на высшее образование, но коммерческое среднее не потяну. А хороших бесплатных школ, где хоть тень былых традиций витает, осталось мало. Вы же понимаете, перевести Алину с положительными характеристиками стоило одних денег, а с отрицательными других, несравнимо больших. И вообще, учителя везде одинаковы. Предвзятое отношение к нарушительницам дисциплины у них в крови. Они не дали бы дочери покоя и на новом месте.

Она отослала Алину в коридор и прямо спросила, можно ли купить восстановление. Ямцов отрицательно замотал головой – слишком много шума было из-за этой истории. А почему радужное жизнеописание ученицы? Директор не стеснялся круглых чисел. Мать отсчитала купюры. Он незамедлительно вытащил из ящика стола готовые новые характеристики, порвал старые и нагло заверил, что не ставил перед собой цель сломать судьбу ее девочки. Тогда она и взбесилась, и забыла все, чему научил бизнес. В дверях при секретаре сказала, что он ей должен.

– Но мне Ямцов хоть продал то, что нужно. А моего соседа попросту надул, – досадливо бросила мать Алины. – Впрочем, меня это не касается, я не охотница до чужих дел.

Лейтенант Авдеев решил, что она не из тех, кто нанимает киллера – лишние расходы. Уходил он со смесью возмущения и печали в душе – еще один шедевр

На очереди был несостоявшийся медалист Вася Ермилов. Лейтенант позвонил в учительскую, чтобы выяснить, где парень живет. Трубку снял Перов, чем привел Славу в состояние вялого недоумения. Майор дотерзал бухгалтера и жаждал слез следующей жертвы. Он пообещал узнать адрес Ермилова, назначил Авдееву встречу на ближайшем перекрестке и велел «надеяться на лучшее и готовиться к худшему». Нарвавшись на неутомимого майора, лейтенант в призывах не нуждался – всегда был готов.

Сыщики перекусили пельменями в относительно чистой забегаловке. Слава порывался доложить Перову о результатах своих усилий, но тот перебил:

– После еды, по дороге.

«Тридцать лет, солидный возраст, – мысленно посочувствовал Авдеев, чей аппетит от темы беседы не зависел. – И жевать может только в тишине, и за свою Наташу Сомову обеими руками держится. Даже ко мне вчера привел. Она, конечно, милая, но до мадам из турагентства ей далеко».

На ветреной сентябрьской улице при обмене информацией выяснились детали, расстроившие Авдеева. Казалось, что майор вырвал у него козырную карту. «У Перова чутье на стоящие контакты. А я вечно занимаюсь тем, что потом отбрасывается, – думал Слава. – Он мог продиктовать мне адрес в трубку и благословить. Нет, навязался в напарники, контролер. А ведь Ермилова я выискал через собственных одноклассников».

Но майор вовсе не собирался отнимать у лейтенанта лавры. Просто случайно оказался у телефона и захотел проветриться, составив Славке компанию. И уже после выяснил, что Вася Ермилов жил в доме, стоящем наискосок от школьного сада, возле ограды которого неизвестный напал на Олю Воронову. Учителям парень запомнился крепкой обеспеченностью своей семьи и редкой целеустремленностью. Учитывая рассуждения майора об убийце из своих, Ермилов мог быть им. За год-другой примелькался охранникам, им и невдомек, что нынешней осенью он уже не школьник. С проникновением в школу, знанием порядков, обстановки, привычек учителей и ненавистного директора у Васи проблем возникнуть не могло.

Дом Ермиловых оказался коттеджем, построенным лет двадцать назад. Тогда обитатели «частного сектора», не имевшие права даже в очередь на государственную квартиру встать, ломали деревянные развалюхи и возводили небольшие кирпичные строения. И дед Васи не отстал. Родители Ермилова жили в Австрии, так что стар и млад существовали вдвоем.

На звонок Перова и Авдеева вышел худой мужчина лет шестидесяти пяти с заурядными морщинами и пытливыми черными глазами. Он опирался на пластиковый костыль.

– Милиция? – недоверчиво переспросил старик. – К нам ваш брат еще не захаживал. Ладно, мне не до вас. Идите к внуку на задворки, туда, туда, за дом.

Вася Ермилов, невзрачный жилистый юноша запаливал костерок. Огню предавались жухлая трава и сухие ветви. И кое-что еще. Авдеев отвел руку Васи с горячей лучиной, выхватил из кучи потрепанный учебник геометрии и сноровисто перелистал. На последней странице была таблица для указания фамилий временных владельцев, года владения и отметок о состоянии книги.

– Зачем это? – любопытствовал майор.

– До недавнего времени учебники в школьных библиотеках бесплатно выдавали. Теперь покупают, но учителя вовсю пользуются старыми хорошими по той же системе – взял, отучился, сдал. Ух, ты!

Восклицание относилось к записям в таблице. На предпоследней строчке было разухабисто выведено: «Ермилов Василий». На последней – ровно и округло: «Воронова Ольга». Авдеев поднял растопочный материал по истории и химии, затем приказал обескураженному парню:

– Веди в дом, варвар.

Ермилов насупился и подчинился.

Легенду он сочинил немудреную. Пошел, дескать, выносить ведро с кухонными очистками на помойку, тут, за углом, и нашел книги. «Геометрию» узнал сразу. Авдеев проверил. Действительно, учебник истории был совсем новым, без таблицы. А учебник физики достался Оле после какой-то Ивановой Е.

– Рядом еще тетрадки валялись, – добавил красок Ермилов. – Но я их не взял.

– Помолчи и сосредоточься, – велел рассказчику Перов.

И послал Авдеева к мусорке в режиме «одна нога здесь, другая там». Слава вознегодовал, молча, и сгонял. Однако мусор вывезли. Ни в контейнерах, ни вокруг тетрадей Оли Вороновой не было.

– Теперь продолжай, – будто магнитофон включил Ермилова Перов.

Сначала Вася впал в раж добропорядочности и собрался передать учебники девице. Представил, что над ней одноклассники поиздевались. За потерянные книги надо было платить. Да еще взамен что-то в библиотеке выпрашивать. Но чем больше он размышлял, тем приятнее ему становился другой вариант: Олька возненавидела школу, выбросила в знак протеста эти источники знаний, и вдруг они к ней возвращаются. Мерзко. Сам Ермилов избавился от всего, что напоминало о школе. И этот случайный привет из недавнего прошлого решил сжечь. Приступил к осуществлению, но менты помешали.

– Мы всегда вовремя, – оскалился Слава.

От знакомства с Олей и ее одноклассниками Вася мудро не отпирался. От того, что часто сталкивался с Вороновой в прошлом учебном году по пути на занятия и с занятий тоже.

– Мне два шага до дома, ей – шесть. Но из-за садовой ограды напрямик нельзя. Все, кто живет в этой стороне, вынуждены кружить вдоль нее. Конечно, сталкиваемся, кружа.

– Конкретнее о встречах с друзьями, – потребовал майор.

Ермилов сразу сделался упрямым и неуступчивым. Он обходит каждого школьного знакомого за версту. Он никогда не заговорит со свидетелями своего недавнего унижения на экзамене. Ему противно ходить мимо школы, не то что заглядывать в нее. Он выбирается за калитку, чтобы купить продукты и вынести мусор, дед не даст соврать. Он – затворник. Зубрит немецкий, чтобы уехать к родителям в Австрию и получать высшее образование там.

– Тебе известно об убийстве директора? – не выдержал Авдеев.

– Какого? – мрачно спросил Вася.

– Ямцова Владимира Георгиевича, – не без сарказма ответил лейтенант.

Парень не успел отреагировать.

– Не на моего ли внука вы намерены взвалить ответственность?

Все обернулись. На пороге комнаты Васи стоял разъяренный старик.

– Мы ведем расследование, – спокойно откликнулся майор Перов.

– Послушайте меня, молодые люди, – зло сказал дед и пристукнул костылем. – После войны в моей школе директорствовал фронтовик. Ван Ваныч. Вместо правой руки у него была культя. Я, между прочим, ростовчанин, мне про детскую преступность лепить не надо. Мы такое творили, до чего нынешние не додумаются, даже если сильно жрать захотят. Так вот, проштрафившихся Ван Ваныч звал в свой кабинет, ставил в ряд по стойке смирно и наподавал культяшкой по рылам. А она у него тяжелая была. Маменькины сынки потом размазывали под носами кровь с соплями и клялись его пришить. Но Ван Ваныч умер в своей постели в глубокой старости. И весь город на его похоронах обрыдался. Потому что юнцы не затаивают обид. Обидчику достается или сразу, или никогда.

– Спасибо за мемуары, – проворчал Слава Авдеев.

Дед хмыкнул и обратился к Перову:

– Ведите расследование, ведите. А то пока оно вас ведет.

7.

– По-моему, он все врет, – заявил Слава Авдеев, шагая с майором Перовым по блекнущему к вечеру городу.

– Вторая смена в разгаре. Дуй в школу и потряси его приятелей, – взглянув на часы, распорядился майор. – Я буду в управлении. Пора отчитываться перед родимым подполковником.

На сей раз лейтенант с удовольствием сменил направление. Он желал доказать ломаче Перову свою правоту. Потому что Сергей явственно скис после отповеди ехидного деда Васи Ермилова. Будто не догадывался, что старик будет выгораживать единственного внука. Шпана ростовская! Нашел чем перед милиционерами хвастаться.

Подполковника Перов не застал. И легкомысленно рванул домой, где был вознагражден. Наташка плескалась в ванне, правда, заперев дверь.

- Я раскрыла твоё убийство, – крикнула она Сергею.
- Откинь крючок, я ничего не слышу, – притворился майор.

Пока девушка старалась, не прерывая купания, дотянуться до крючка длинной ручкой массажной щетки, Перов успел содрать через голову рубашку и снять носки. О привычке Наташи наливать воду выше аварийного слива он совсем забыл. Поэтому, когда ворвался и прямо в брюках плюхнулся в ванну, по закону Архимеда вытеснил на пол столько жидкости, что через десять минут соседям снизу нетрудно было бы определить его вес. Вместо любовных утех порывистый майор елозил тряпкой по кафелю, чертыхался, выжимал штаны, жалел себя. А жестокая Наташа в это трудное для мужчины время несла какую-то чушь.

Ее тетушке, изволите ли слышать, понадобилось кольцо с крупным сапфиром в усыпанной бриллиантами платиновой оправе. Старинное, а не новодел. Майор эту желчную особу на дух не переносил, впрочем, как и она его. Поэтому, выжимая мокрую тряпку, взорвался сразу:

- Тата, я не ювелир!
- Сереженька, ты дурак, – окрылила его Наташа. – Она не для себя ищет, а для подруги.
- Все равно не ювелир, – уперся майор.

Но постепенно наострил уши. Дочка подруги втихаря вытащила фамильную драгоценность из шкатулки, чтобы повыпендриваться в школе. На палец надеть побоялась, положила в сумку. По пути на девочку напали, ударили по голове и ограбили. Теперь она в больнице, а мать мечется по городу в поисках замены кольцу. Женщина взяла бы грех на себя и сказала мужу, будто потеряла сапфир. Но это стопроцентный развод: кольцо принадлежало его прабабушке, бабушке и матери. Он не простит. Девочка от раскаяния исстрадалась и плохо поправляется. Мать в истерике. Нормальная человеческая трагедия.

- Тата, ты про Олю Воронову? – осторожно спросил Сергей.

– Про нее, Сереженька. Никому не был нужен ключ от класса, только кольцо. Она, наверное, хвасталась им в школе, обещала продемонстрировать. Теперь ты быстренько во всем разберешься, и мы устроим праздник.

Перов мог бы поклясться, что в тот вечер совершенно не думал об убийстве Ямцова. Более того, рассказу Наташи он особого значения не придал, хоть и благодарил ее неумолчно. Сергей был уверен в том, что мать Вороновой сама потеряла кольцо. И теперь пыталась переиначить историю его пропажи, опробовала ее на приятельницах, втягивая их в поиски похожей вещи. Может, ей помогали лишь из корысти или жалости? Сергей расслаблялся с Наташей, которая всегда становилась покладистой и нежной, вообразив, что раскрыла убийство. Он спал и даже во сне чувствовал – сладко спит. А на рассвете вдруг открыл глаза и понял – многое изменилось. Так бывает, когда бездумно вертишь странный предмет, не ведая его названия и назначения. И неожиданно осеняет – да этим кнопки из картона выковыривают.

Он сам сварил Наташе кофе, покрыл булку сыром и отутюжил брюки, в которых вчера неудачно принял ванну. Он обращался к невесте: «Кошечка моя», а она все настойчивее предлагала «сделать для него что-нибудь прекрасное». Соревнование по улаживанию друг друга превратилось телефонным звонком. Мать Наташи передала, что тетка рыскала по ювелирным комиссиям и обнаружила кольцо с сапфиром, подходящее под описание. Сегодня к открытию они с Вороновой старшей туда собрались. Но цену за него назначили невероятную. И предприимчивая тетушка вспомнила о домашнем и ручном майоре милиции. Через сестру и племянницу она просила у Сергея консультации: если это украденная у девочки вещица, нельзя ли вернуть ее бесплатно, не привлекая к делу сурового отца семейства.

Наташа пересказывала майору просьбу тетки, а он торопливо натягивал еще горячую от утюга одежду.

- Ты куда? Что мне ответить маме? – растерялась девушка.

– Пусть тетушка пригласит Воронову к себе. В десять я буду, – пообещал Перов и бросился к выходу. Но у порога притормозил: – Тата, подчеркни, что я не поощряю дамской самостоятельности.

Слава Авдеев тем временем тщательно скреб бритвой тугие от молодости и надутые от важности щеки. Так бреются именинники и победители. Вчера майор гонял его, как савраску, не удосужившись обсудить детали совместного сыска. А сегодня Перова ждет сюрприз! Слава со вкусом ел и с наслаждениемпил. Оделся, улыбнулся своему отражению в зеркале и ему же сообщил: «Элегантный я парень».

Что может разрушить великолепие? Только сомнение в нем. А засомневаться лейтенанту пришлось. В отделе ребята сказали, что Перов совещается с подполковником. Дежурный потряс деталью: начальник явился на телефонный зов майора за час до начала рабочего дня.

– Каждый из нас может его вызвать? – игриво поинтересовался Слава.

– Смотря зачем, – сухо растолковали ему. – Перову в девять утра надо повернуть какую-то авантюру, а подполковник любит вникать в его великие замыслы.

«Так портят людям светлый день, – подумал Авдеев. – У меня реальная сенсация. У Перова безумный проект. И я томлюсь в передней». Томился он за своим столом над отчетом, поэтому о высоте его помыслов никто не догадывался. Парни балагурили и ждали. Минут через двадцать в комнате появился майор.

– Рекорды бьешь, Серега? Снова один все распутал? – обступили его сыщики.

– С Авдеевым трудимся, – не впал в искушение Перов. – Кстати, где он?

– Здесь я, – оживился польщенный Слава. И выпалил то, что распирало изнутри: – Я вчера, когда вернулся в школу, такое нарыл! Вася Ермилов врет, что не общается ни с кем. Общается с Паниным, одноклассником Вороновой. Панин это тоже скрывал. Надо устроить им очную ставку.

– Молоток, – похвалил его Перов. И вконец расстроил: – Не знаю, пригодится ли нам секретный приятель Ермилова. Слава, ни шагу отсюда, ты мне скоро понадобишься.

После его ухода оперативник Леня, приглядевшись к Авдееву, весело призвал:

– Выше нос, мужик. Серега бегают, высунув язык, чтобы никого не обременять мелочевкой, на которую только сам и обращает внимание. Он народ бережет. До нас это тоже не сразу дошло, думали эгоист и карьерист. А у него в башке особая программа. Дошло?

Лейтенант сразу перестал хмуриться. Однако, от чего в данном случае оберегал его майор, не уразумел. От рутины? От перегрева? От успеха?

Перов вернулся ближе к обеду. Еще на час застрял у подполковника. Затем принялся за Авдеева:

– Подсчитаем наших баранов, Слава.

– В смысле? – вытаращил на него желто-карие глаза лейтенант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.